

Слева от улицы Гули Чанъань находится парк развлечений, справа — площадка для пейнтбола. Но те семь гномов удивительно единодушно решили пойти в парк развлечений. Здесь правило «дамы вперёд» не работало, и дамы были вынуждены подчиниться желанию гномов.

Когда они собирались покинуть улицу Гули Чанъань, Лян Инь, как фокусник, достал для Мэн Мянью маленькую черепаху. Он заметил, что у выхода всё ещё был мастер, делающий сахарные фигурки.

Мэн Мянью на словах отказалась, но кто бы не обрадовался, если бы кто-то вспомнил о её погибшей черепахе?

Однако Фу Синчэнь этого не видел. Тан Сун крутился рядом с ним:

— Брат, а что ты вообще можешь есть с твоим желудком?

Раньше он не хотел портить настроение и говорил, что всё не так плохо, но на самом деле ситуация была серьёзной. Фу Синчэнь с рождения был слаб здоровьем, и за все эти годы он так и не восстановился. За всю прогулку он купил только две порции каши, и Тан Сун, вероятно, заметил пустые стаканчики в его руках.

— Угадай.

— Наверное, ты не можешь есть ничего с этой улицы.

Еда на улице, конечно, не самая чистая, да и на холодном ветру есть — не лучшая идея.

— Нет.

— А кто это подтвердит?

Фу Синчэнь рассмеялся:

— Ты просто наглец.

Тан Сун взял у Фу Синчэня пустой стакан и выбросил его в мусорку:

— Тогда просто согласишься со мной.

— Приведу пример.

Фу Синчэнь всё же согласился:

— Лапшу быстрого приготовления могу, острую — нет. Японскую кухню могу, сырую рыбу — нет. Уличную еду могу, если она не на дешёвом масле.

— А алкоголь?

— Не могу.

Они провели на улице Гули Чанъань много времени, и, когда они вышли, уже начался зимний закат. Тротуар был разделён тенями на две части, а старинная улица, расположенная позади, растягивала их тени на много метров.

Фу Синчэнь был очень бледным, и, когда его касались солнечный свет и ветер, он казался тонким, как фарфор. Тан Сун подумал, что он выглядел как настоящий красавец.

— Почему ты не сказал мне раньше? Я бы не назначил встречу на Гули Чанъань.

— Разве главной героиней не должна быть Мэн Мянью?

— Поверхностно. На самом деле это дружеская встреча элиты двух школ, здесь нет главных и второстепенных.

Фу Синчэнь отчётливо помнил, как Тан Сун говорил, что расстался с кем-то, но он никак не мог этого понять. Внешность Тан Суна была такой же яркой, как и он сам, и Фу Синчэнь вспомнил, что означает фиалка — «лето».

— Ага.

Фу Синчэнь согласился и, переходя дорогу, взял Тан Суна за запястье.

У него не было привычки держать кого-то за руку на переходе, но у Тан Суна была привычка смотреть на собеседника, когда он говорил. Фу Синчэнь решил, что держать его за руку безопаснее, чем позволять ему смотреть по сторонам. Однако Тан Сун явно замер.

Любой альфа, даже такой жизнерадостный, как И Цзялэ, негативно реагировал на контроль. Тан Сун ещё до того, как стал альфой, запрещал Вэй Фуфэн и Тан Чунмину входить в его комнату, и такие прикосновения, как держание за запястье, для него были чем-то неслыханным.

Но Фу Синчэнь взял его за руку, и что он мог сделать? Оттолкнуть его?

Фу Синчэнь тоже почувствовал неловкость Тан Суна, но, когда он посмотрел на него, тот просто улыбнулся.

Тан Сун подумал, что беты действительно не понимают, насколько силён контроль у альфы.

В выходные парк развлечений был полон людей. Они купили билеты, и в таком месте Фу Синчэнь позвал Мэн Мянью к себе. Он был не таким братом, как Тан Сун, он баловал свою сестру.

Когда она сказала, что хочет прокатиться на «Прыжке с высоты», он пошёл с ней.

И Цзялэ, похоже, был комиком. Он сфотографировал Фу Синчэня со спины и сказал:

— Практика — лучший способ узнать правду. Фу Синчэнь, вероятно, пошёл рассчитать ускорение свободного падения.

И Цзялэ боялся высоты, и он хотел только покататься на машинках, поэтому, когда Лян Инь позвал его на американские горки, он сбежал вместе с Вэй Фэнжао, который тоже боялся высоты.

Тан Сун оглянулся и заметил, что Фан Цинтин и Ся У тоже исчезли:

— А где эти двое?

— На колесе обозрения.

Тан Сун скрипнул зубами:

— Проклятые влюблённые.

Эти американские горки были третьими по высоте в Азии и открылись только в прошлом году, так что для этих старшекласников они были в новинку.

Лян Инь, Тан Сун и Хао Доюй, когда подошла их очередь, всё ещё хвастались.

Хао Доюй сказал:

— Возможно, я буду кричать имя Мэн Мянью.

Лян Инь застегнул молнию на куртке и сказал:

— Не надо. Я вижу, что Фу Синчэнь стоит сзади, и, возможно, у него есть нож.

— Он тоже здесь?

Тан Сун обернулся и увидел, что Фу Синчэнь стоит в очереди и смеётся с Мэн Мянью.

— Я отдам ему телефон. Вам что-то нужно передать?

Лян Инь ответил:

— Все уже в карманах.

— Моя любовь.

Хао Доюй сделал жест в виде сердца.

— Ты такой пассивный.

Тан Сун отмахнулся от руки Хао Доюя. Лян Инь с любопытством спросил:

— Что значит «пассивный»?

— Это из классической литературы, означает «быть под контролем».

Объяснил Хао Доюй.

— Ага.

Лян Инь будто осенило:

— А «видеть» тоже означает «быть под контролем»?

Вы, должно быть, очень начитанный человек.

Фу Синчэнь прислонился к железному ограждению, а Тан Сун похлопал его по левому плечу, встретившись с его взглядом справа...

— Эй, это нечестно.

Фу Синчэнь улыбнулся:

— Ты сбегашь?

— Не смейся надо мной. Просто помоги мне что-то подержать, у меня карманы мелкие.

— Дай сюда.

Чехол на телефоне Тан Суна, казалось, был парным, как картина, разрезанная пополам. На ней был мальчик, держащий зонт и кланяющийся, как принц. Фу Синчэнь подумал: «Это ностальгия?»

— Брат.

Тан Сун, наполовину перегнувшись через ограждение, позвал его и передал зажигалку и сигареты:

— Если я испугаюсь, могу я крикнуть твое имя?

Альфа, перегнувшись через ограждение, был немного ниже Фу Синчэня. У Тан Суна были глаза, как у персика, и, когда он смотрел на кого-то, казалось, что он полон чувств.

— Кричи. Если покричишь, я буду смеяться над тобой.

— Жестоко.

Перед тем как уйти, Тан Сун не забыл о пассивной просьбе Хао Доюя. Он сделал жест в виде сердца Мэн Мянью и сказал:

— Мой друг сделал это.

Мэн Мянью знала, о ком он говорил, и сделала жест в виде сердца Фу Синчэню:

— Это тебе.

Псих.

Американские горки, третьи по высоте в Азии, были действительно впечатляющими. Этот безумный аттракцион останавливался вниз головой, а при спуске издавал жуткий звук. Тан Сун знал, что это было для эффекта, но, когда аттракцион понёсся вниз, он всё равно испугался. Фу Синчэнь не услышал, как он кричал его имя, но Тан Сун кричал, как и большинство других.

Фу Синчэнь на мгновение испугался, но Мэн Мянью была в восторге.

Выход находился рядом с входом, и, когда Тан Сун сошёл с аттракциона, его шаги были немного неуверенными. Он был весь в каком-то тумане, и Фу Синчэнь, стоя за ограждением, поддержал его, взяв за запястье.

Тан Сун посмотрел на пальцы Фу Синчэня:

— Второй раз.

— Что?

— Доброго пути.

Тан Сун глубоко вдохнул.

Ощущение невесомости ещё не прошло, и Тан Сун, Лян Инь и Хао Доюй сидели на скамейке возле американских горок, вспоминая свои ощущения.

Тан Сун купил у продавца пистолет для мыльных пузырей в виде дельфина.

Хао Доюй:

— Ах.

Лян Инь:

— Ах.

— Я хочу прокатиться ещё раз.

Лян Инь задал нечеловеческий вопрос.

Чёрт, он просто хвастался.

— Маленький Тан, что вы здесь делаете?

Пара влюблённых подошла, держась за руки.

Тан Сун, держа пистолет для пузырей, выпустил несколько кругов пузырей:

— И-и-их.

Хао Доюй подхватил:

— О, как страшно.

Ся У посмотрел на высоту американских горок...

Он сказал Фан Цинтин:

— Дорогая, может, мы не будем подниматься?

— Лян Инь хочет, Ся У, если ты не пойдёшь, пусть Лян Инь сопроводит Фан Цинтин.

Тан Сун, как всегда, устроил сватовство.

Ся У:

— Стражники могут быть не из родни.

Хао Доюй:

— Превратятся в волков и шакалов.

Тан Сун нажал на пистолет для пузырей, направляя его на Хао Доюя:

— Только ты можешь.

Когда Фу Синчэнь сошёл с аттракциона, Ся У и Фан Цинтин только собирались встать в очередь. Фу Синчэнь чувствовал себя так, будто только что вернулся с Луны. Он сомневался, что мужчины и женщины одинаково реагируют на американские горки.

По крайней мере, Мэн Мян была совсем другой. Она была в восторге и пошла на второй заход с Лян Инем, который сам вызвался.

Тан Сун закурил сигарету и предложил Фу Синчэню сесть рядом. Он держал пистолет для пузырей в одной руке, а другой рукой тушил пузыри кончиком сигареты.

Всего два захода на американские горки, и солнце уже начало садиться. Огни парка развлечений едва виднелись на фоне заката.

Момент, когда ночь встречается с днём, был завораживающим.

Когда Фу Синчэнь ещё учился в школе, он целый год занимал первое место в классе, и я сразу понял, что нашёл сокровище.

— Чэн Лисюэ

Ученики элитного класса двух школ могли не носить школьную форму, потому что форма в обеих школах была разной. Руководство школы считало, что это может создать ощущение разделения, поэтому разрешило им не носить форму. Но это создало большую проблему.

Когда охранник спрашивал, почему они не в форме, они отвечали:

— Потому что я из элитного класса двух школ.

А охранник думал, что в элитном классе, должно быть, учится сто человек.